

КОНСЕРВАТОРИЯ НАЧИНАЛАСЬ С НАЗИБА ЖИГАНОВА

**Зайнаб
ХАЙРУЛЛИНА**

Ещё до войны я начала работать диктором в радиокомитете, готовила там музыкальные передачи. Незабываемы послевоенные годы — так много интересных, радостных событий происходило тогда в татарской музыке. Очень памятна одна неожиданная для меня встреча.

В доме № 1 по улице Пушкина, в Ленинском садике, во время войны был госпиталь, а до этого — школа № 4 имени Ленина, в которой училась моя сестра. Вскоре после окончания войны я решила зайти туда, чтобы узнать, закрылся ли госпиталь и начнутся ли занятия. Поднимаюсь по ступенькам — в коридоре пусто, госпиталь выехал. Стала искать кого-нибудь, чтобы выяснить дальнейшую судьбу здания. И вдруг вижу Жиганова. Никак не ожидала встретить его здесь. Спрашиваю: «Что здесь теперь?» Жиганов отвечает: «Это консерватория». Я удивилась: «Как консерватория?» «Здесь будет консерватория, — подтвердил он. — Мне сказали, что госпиталь выехал. Вот пришёл работать...». Осматриваюсь: «Как работать? Здесь же ниче-

го нет...». Жиганов уверенно говорит: «Будет!» Продолжаю удивляться: «Вон там стул только один стоит, а больше ничего же нет...». Жиганов улыбается: «Ну что же... Будет!»

Ему придётся очень трудно, подумала я. Комсомольская организация радиокомитета сотрудничала с Союзом композиторов, и у меня с Жигановым отношения были товарищеские, комсомольские. Узнав, что в этом пустом здании надо открыть консерваторию, я стала волноваться за Жиганова и даже сказала: «Ой, какую же большую работу на себя взял!» Он всё-таки был такой молодой. А Жиганов опять повторил: «Всё будет! Работа началась. Сегодня вот ничего нет, а завтра будет. И люди будут».

Я стала каждый день наведываться в консерваторию — так там было интересно. И действительно, всё время приходили новые люди: преподаватели, будущие студенты. Многие только что с фронта: Афзал Хайрутдинов — будущий виолончелист, Хуснул Валиуллин — будущий композитор. В подвальном этаже оборудовали

общежитие, в первые годы после войны там жили и студенты, и преподаватели. С помещениями было очень трудно, классов не хватало, а ведь музыкантам надо постоянно заниматься. Мне казалось, что студенты в первый год работы консерватории прибавляются каждый день. И почти все — бывшие фронтовики: только демобилизовался — сразу за учёбу. Условия были тяжёлые, но учились все с большим желанием.

Среди преподавателей были и мои знакомые по работе в радиокомитете, например, Мансур Музафаров. Но появилось и много новых музыкантов, которые приезжали из Москвы, Ленинграда. Всех фамилий сейчас уже не вспомню, но помню, что обстановка была очень жизнерадостная, на трудности внимания не обращали, уроков никто не пропускал. Мне разрешили хо-

На первых порах в хоре пели не только студенты консерватории, но и приглашённые, чтобы хор был внушительнее.

Все старались помогать друг другу. Всем очень хотелось работать, и работали много. Жиганов всё успевал: и в консерватории, и в театре, и в Союзе композиторов. Музафаров и преподавал, и сочинял, и даже в квартете играл на всех инструментах.

Назиб Гаязович был очень внимателен ко всем, знал каждого студента, сам всех прослушивал, всеми интересовался. Он мог быть и ласковым, и строгим, его очень уважали. Это был очень интересный человек. Консерватория быстро встала на ноги, а ведь начиналась с пустых коридоров, с одного стула, можно сказать. Это заслуга Жиганова. Он сам был очень

дуть на занятия вольным слушателем, это было очень нужно для моей работы. Татарские музыканты сами шли в консерваторию. Например, Ильгам Шакиров ходил на занятия к Музафарову. Тяга к учёбе у всех была огромной.

С первых дней в коридоре стояла большая скамейка, которая называлась у студентов «скамеечная кафедра». Там постоянно проходили «заседания», обсуждались все события: кто сегодня «отлично» получил, какие интересные лекции были, «а знаете, какую ноту вчера этот тенор взял!», ну и, конечно, кто за кем ухаживает. Мы дорожили этой «скамеечной» жизнью. Всё было очень интересно в консерватории, мы как будто открывали для себя новый мир.

Уже в первые годы консерватория начала давать концерты своими силами. Всех хороших исполнителей, и певцов, и инструменталистов, Жиганов направлял в радиокомитет, и они участвовали в радиопередачах. Организовали хороший хор, которым руководил Казачков.

организованным и людей сумел организовать. Приглашал опытных преподавателей из Москвы и Ленинграда, готовил молодых — наших, казанских. С первых дней в консерватории были очень высокие требования к работе и к учёбе. Я думаю, что именно созданная Жигановым обстановка требовательности и творчества помогла консерватории быстро добиться больших успехов.

Консерватория началась с Назиба Жиганова. Я видела начало её истории, когда Жиганов стоял один среди голых стен в доме по улице Пушкина. Его слова «Всё будет!» казались тогда сказкой. А сейчас трудно представить Казань без консерватории. Очень радует, что своё шестидесятилетие она встречает как Казанская государственная консерватория имени Назиба Жиганова.

Хайруллина Зайнаб Шайхулловна — музыковед, заслуженный деятель искусств Татарстана.